

ЖАН ПОЛЬ САРТР

ИСТИНА И СУЩЕСТВОВАНИЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)(44)
ББК 87.3(4Фра)
С20

Серия «Эксклюзивная классика»

Jean-Paul Sartre
VÉRITÉ ET EXISTENCE

Перевод с французского *Н. Кулиш*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения *Éditions Gallimard*.

Сартр, Жан Поль.

С20 Истина и существование / Жан Поль Сартр ;
[перевод с французского Н. Кулиш]. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 224 с. — (Эксклюзив-
ная классика).

ISBN 978-5-17-187205-2

«Истина и существование» — сочинение зрелого периода, опубликованное посмертно. Оно позволяет читателю проследить ход мысли автора после книги «Бытие и ничто», с которой данное эссе тесно связано и должно рассматриваться как некий переход от нее к следующему фундаментальному труду.

В настоящем издании представлен первоначальный текст эссе. В нем Сартр, пользуясь левой страницей тетради как полями, записывал мысли, которые впоследствии собирался развить, а также план создаваемой им концепции новой морали. Как написал сам автор: «Я ищу современную мораль... Я пытаюсь выяснить, какой выбор может сделать человек для себя и для мира в 1948 году».

УДК 1(091)(44)
ББК 87.3(4Фра)

ISBN 978-5-17-187205-2

© Éditions Gallimard, Paris, 1989
© Перевод. Н. Кулиш, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Подготовка текста и примечания
Арлетт Элькаим-Сартр

Вниманию читателя: номера правых страниц рукописи, на которых помещен основной текст, указаны в скобках; к номерам соответствующих им левых страниц, на которых помещены авторские маргиналии, добавлен значок «апостроф» (').

Обстоятельства появления этой книги

«Я ищу современную мораль... Я пытаюсь выяснить, какой выбор может сделать человек для себя и для мира в 1948 году». За годы, отделяющие публикацию работы «Бытие и ничто» (1943), где было заявлено о начале этих поисков, от выхода в свет «Критики диалектического разума» Сартр как философ напряженно размышлял над этой темой, что едва ли было заметно со стороны. Какая связь имелаась между двумя его основными сочинениями, следовало ли понимать так, что второе из них содержало отказ, временный или окончательный, от программы, объявленной в заключении первого, или же «Критику...» надо было воспринимать как своего рода обходной маневр, необходимый для того, чтобы беспрепятственно приблизиться к изначальной цели — основанию современной морали?

В 1983 году, через три года после смерти Жан-Поля Сартра, мы опубликовали его «Тетради по морали», сборник заметок 1947–1948 годов, которые дают возможность проследить ход его мысли после «Бытия и ничто»; особое внимание в них уделено вопросу *господства ценности* в морали, в том аспекте, в каком этот вопрос вставал перед ним в конце упомянутой книги в связи с концепцией свободы, которую он в ней формулировал: «Возможно ли, чтобы [свобода] полагала в качестве ценности самое себя, или она должна как-то определиться по отношению к ценности, которая занимает ее мысли?» Написанная сразу после сборника заметок, в 1948 году, «Истина и существование» позволяет читателю и дальше неотрывно следить за рассуждениями философа. Если говорить о сочинениях зрелого периода, опубликованных посмертно, это, насколько нам известно, единственный полный текст. Мы имеем дело с первоначальным вариантом, и в некоторых случаях автор, пользуясь левой страницей тетради как полями, записывает там мысли, которые впоследствии собирался развить либо включить во вторую

редакцию текста как дополнения. Мы воспроизвели эту особенность рукописи, чтобы читатель мог судить о ходе его работы. (На последней странице своего эссе, подводя черту, Сартр написал план создаваемой им концепции морали, который можно будет прочесть в приложении.)

Занимаясь сутью морали, Сартр должен был встретиться с проблемой Истины в особом аспекте. Он уже подходил к этому вопросу с разных сторон в «Тетрадах...», исследуя, в частности, гегелевскую концепцию познания как «свершившегося факта». Несколько месяцев спустя ему присылают вышедший в свет незадолго до этого перевод на французский лекции М. Хайдеггера «О сущности истины». Не исключено, что именно чтение этой небольшой работы (Сартр на нее постоянно ссылается) вдохновило его на написание данного эссе, которое, возможно, он одно время планировал опубликовать. По правде говоря, Сартр, взвешивающий здесь концепции немецкого философа, весьма далек от него, поскольку у них разные цели: Хайдеггер исследует истину бытия, в то время как автор труда «Бытие

и ничто» стремится оценить роль идеи истины в интересующей живущих — об этом свидетельствует название настоящего эссе. И все же обратим внимание на критическое замечание Сартра о понятии *тайны*, по Хайдеггеру, и на противоположное отношение к морали у того и другого философа, о коем свидетельствует это замечание.

Тому, кто начнет знакомство с философией Сартра с «Истины и существования», возможно, следует напомнить некоторые важные моменты работы «Бытие и ничто», поскольку данное эссе тесно связано с этой книгой и должно рассматриваться как некий переход от нее к следующему капитальному труду. Сартр различает две области бытия индивида: «бытие-в-себе», то есть бытие всякого феномена, и бытие сознания, то есть «бытие-для-себя». О «бытии-в-себе» мы не можем сказать ничего, только лишь констатировать, что оно есть; бытие сознания, напротив, неотделимо от того, чьим сознанием оно является, а значит, само по себе оно *ничто*. Реальность человеческая, поскольку сознание — ее характерная особенность, создает свою сущность собственными

действиями; а значит, эта сущность постоянно находится в процессе формирования. Но одно из свойств любой человеческой деятельности — раскрывать и верифицировать потаенное. Любая мысль, любой поступок, любая линия поведения подразумевают некое взаимодействие с Истиной. Но где гарантия, что это и в самом деле Истина, если, как, например, в сартровском экзистенциализме, философ не признаёт факт божественного откровения, дарование свыше некоего понятия Истины, которое соответствует потребностям и возможностям человеческой природы?

Человек призван всецело познавать истину. Но способен ли он реализовать это призвание, или же всякая истина остается фрагментарной и относительной? И если да, то чем обусловлена эта относительность? Условиями данной конкретной эпохи? Но значение простых слов «наша эпоха» затуманено различными формами незнания, а потому трудноуловимо. И все же надо принять решение по этому поводу. Если бы связь человека с некоей силой вне его самого была абсолютно исключена, не имело бы

смысла допускать существование у человека какой-либо моральной истины, и, полагает Сартр — ибо эта проблема весьма актуальна также и для писателя, — возможно, не имело бы смысла писать: если я во всеуслышание высказываю то, что считаю истиной, для кого это является истиной и на какое время? Моя истина — это раскрытие и в то же время дар другому. Она просвещает того, кто принял ее, но в соответствии с его субъективными свойствами, историческими условиями и т. д. — в общем, различными обстоятельствами, над которыми я не властен; и приведет к результатам, которые я не смогу контролировать. Является ли освещение Бытия абсолютным благом, или мне надо подумать о значении и о последствиях моего прозрения и считать себя ответственным за то, чего я не могу предвидеть? Чтобы найти путь к себе самим, нам нужно ощущать почву под ногами. Относительное и абсолютное, конечное и бесконечное, единое и множественное, частное и общее: Сартр рассуждает здесь о противоположностях, которые кажутся непреодолимыми. Читая эту книгу, начинаешь понимать, почему идея

выработать собственную концепцию морали в итоге привела его к «Критике диалектического разума», где ставятся главные вопросы о структурах и смысле истории, а также о мышлении как об инструменте, который ее постигает.

Тысяча девятьсот сорок восьмой год. Холодная война. Напомним: это в ее тревожном свете Сартр писал «Истину и существование». Гибель всего рода человеческого в Третьей мировой войне, атомной, последней из войн, была широко обсуждаемой гипотезой. Философский спор о том, что предстоит человечеству — ужасный конец или бесконечное движение вперед, — в любой момент мог быть прерван катастрофическим и абсурдным событием, которое, кстати, автор своими действиями и своими сочинениями всячески стремился предотвратить.

«Итак, я ищу современную мораль...» Еще несколько лет назад этот поиск, отголоски которого будут слышаться в работах философа вплоть до последних лекций, показался бы нам безнадежно устаревшим; но сегодня, когда мысль, что, «возможно, мир станет та-

ким, что какая бы то ни было свобода в нем будет невозможна», снова приходит людям в голову, правда, в силу других причин, и начинают появляться комитеты по этике, — разговор о сегодняшней морали делает автора этой книги нашим современником.

Арлетт Элькаим-Сартр

(1)

1. Если есть общепринятый способ существования, каковым является неаутентичность, значит вся история неаутентична, и действие в истории неизбежно приводит к неаутентичности; аутентичность же оборачивается индивидуализмом. И соответственно, если природа человека — главный фактор истории, неаутентичность должна нуждаться в самой себе как в необходимом условии исторической борьбы. Всякая доктрина конверсии сильно рискует впасть в а-историзм¹.

¹ Тезис о конверсии Сартр развивает в «Тетрадах по морали» (1947–1948); см., в частности, стр. 448–531 первого издания (в оригинале). Высказывание о том, что неаутентичность — общепринятый способ существования, означает, что изначальная задача человека — постоянно искать себя, чтобы не поддаться влиянию случайных обстоятельств, стремлению

слиться в единое целое со своими «характерными особенностями», своим социальным положением, своим имуществом и т. д. *Соучастная рефлексия* — средство, с помощью которого «для-себя» пытается превратиться во «в-себе — для-себя»; но эти попытки остаются безуспешными: я не могу на длительное время убедить себя в том, что я *есть* такой или такой. Зато взгляд Другого, хочу я этого или нет, унифицирует совокупность моих поступков и склонен воспринимать меня как некое *существо*; из этого рождается отчуждение — либо я делаю всё, чтобы превратиться в существо, отражение которого вижу в глазах Другого, либо стараюсь избежать этого превращения. *Очищающая рефлексия* — это осознание сокрушительного поражения соучастной рефлексии; это первый шаг к тому, что Сартр называет конверсией, то есть намерением поставить себя под вопрос как *существующего* вместо того, чтобы стараться закрепиться в *бытии*, то есть согласиться с тем фактом, что способ бытия существующего «диаспоричен».

Было бы интересно сопоставить по тональности идею аутентичности у Сартра, изложенную в «Бытии и ничто» и в процитированных нами фрагментах из «Тетрадей», с концепцией аутентичности Хайдеггера. Когда речь идет об изначальной неаутентичности, первый философ подчеркивает желание «для-себя» закрепиться во «в-себе», а второй — смятение реальности человеческой в качестве «мы», ее блуждание от состояния к состоянию. Об аутентичности действия в истории: Сартр особо отмечает «превращение бесцельности в абсолютную свободу» и конечность как необходимое условие для этой свободы, а также творчество; и тезис Хайдеггера о наследии возможностей прошлого (повторение, выбор героев) и об их претворении в воз-

Всякая доктрина историчности сильно рискует впасть в аморализм².

2. Быть — или осознавать собственное бытие как исторический процесс? Если *быть*, тогда История не имеет первостепенного значения. Но ведь сама история, если у нее есть какой-то смысл, вершится для того, чтобы человек *был* (прогресс, диалектика и т. д.). Авантюрист по отношению к истории — это тот, кто стремится вписать себя в историю *ради истории* (ради того, чтобы исторический процесс совершался через него, ради того, чтобы стать действующей силой истории). В этом случае цель безразлична³. Другой ас-

можности будущего, а также смерти как собственной возможности, просматривающейся на горизонте всякого действия. — *Примеч. изд.*

² Под «доктриной историчности» Сартр подразумевает мораль, которая должна основываться на закреплённости человеческой реальности в некоей эпохе, некоем месте, некоем сообществе; моральные опции должны быть обусловлены целью этой закреплённости, при этом отношения — с точки зрения морали — с остальным миром остаются неопределёнными. — *Примеч. изд.*

³ В предисловии к книге Роже Стефана «Портрет авантюриста» (1950), которое было переиздано в VI томе сборника эссе «Ситуации», Сартр анализирует онтологические представления авантюриста, подчеркивая его влечение к Ничто. — *Примеч. изд.*